

УДК 316.2

Кощеев Эдуард Борисович

старший преподаватель кафедры социологии
и политологии Пермского национального
исследовательского политехнического университета
тел.: (902) 634-78-29

Koscheev Eduard Borisovich

Senior Lecturer of the Department of Sociology
and Political Science of Perm National Research
Polytechnic University
tel.: (902) 634-78-29

ТЕОРИЯ РАЦИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА В ИСТОРИИ СОЦИОЛОГИИ

В статье рассмотрена история социологии как науки, находящейся на стыке с другими, прежде всего, социальными науками. Условность сложившихся междисциплинарных границ обнаруживается при соотнесении теории рационального выбора с известными социологическими традициями. Социология в своей истории оказывается интереснее и богаче тех привычных схем, которые используют для ее конструирования. В такой интерпретации теория рационального выбора была и остается одной из движущих сил обновления социологической программы исследования.

Ключевые слова: теория рационального выбора, социологические традиции, рациональность, утилитаризм, дисциплинарные границы.

RATIONAL CHOICE THEORY IN THE HISTORY OF SOCIOLOGY

The article considers the history of sociology as a science at the border with other, in the first place, social sciences. The conventionality of the established interdisciplinary boundaries is revealed by correlating the rational choice theory with famous sociological traditions. Sociology in its history is more interesting and richer than the standard schemes that are used for its construction. In this interpretation the rational choice theory has been and remains one of the driving forces for renovation of sociological research program.

Key words: rational choice theory, sociological traditions, rationality, utilitarianism, disciplinary boundaries.

Если мы обратим внимание на современное состояние теории рационального выбора (ТРВ), то увидим, что в строгом смысле никакой единой стройной теории не существует. Мы интуитивно относим к ТРВ тех авторов, чьи рассуждения опираются на понятия «общественный/публичный выбор», «полная/ограниченная рациональность», «затраты/выгода», «полезность» и т.д. А между тем в работах этих авторов могут быть представлены разные подходы в социальных науках, отсылающие нас к таким известным ярлыкам, как «экономический империализм» или «парадигма рациональности». Представители «экономического ведомства» делают ссылки на классиков социологии и, наоборот, социологи все больше предпочитают высказываться в терминах экономической теории. В то же время кажется неразрешимым противопоставление «homo economicus» и «homo sociologicus». Все это неминуемо вносит путаницу в вопрос о том, что же такое ТРВ и каково ее место в социологии.

Мы будем говорить о ТРВ как теоретико-методологическом подходе в социальных науках, который опирается на ряд посылок, образующих его интеллектуальное ядро. Самая общая посылка звучит следующим образом: люди действуют рационально. Сегодня можно смело утверждать, что такие представители ТРВ, как Дж. Коулмен, Й. Элстер внесли свой вклад в социологию аналогично тому, как Г. Беккер и его ученики внесли вклад в экономическую науку, а Э. Даунс, М. Олсон – в политическую. При этом их всех объединяет не столько приверженность некоему постулату рациональности, сколько ориентация на преодоление, пересечение дисциплинарных границ, что неизбежно приводит к смене наших представлений о предметных и методологических особенностях социальных наук. Невольно задаешься вопросом: может быть нет и никогда не было никаких границ, а только неуверенные попытки их утверждения?

ТРВ встрянула все этажи социального знания, заставив нас задуматься о хрупкости научных традиций. Цель данной статьи сводится к тому, чтобы сделать набросок к реконструкции социологических традиций и тем самым показать условность сложившихся трактовок и прочтений истории социологии. Социология всегда была открытой наукой, опирающейся на широкий интеллектуальный ресурс из разных научных областей. Всякие попытки свести историю социологии к ограниченному набору «сюжетных линий», очистить ее от «чужеродных» имен и теорий кажутся сегодня неуместными. Ключом к реконструкции истории социологии для нас станет ТРВ или то, что Рэндалл Коллинз называет рациональной/утилитарной традицией [1]. Научную работу Коллинза, посвященную четырем социологическим традициям, мы используем в качестве главного ориентира в собственном исследовании.

Для начала отметим, что диапазон мнений и позиций по поводу продуктивности ТРВ в соци-

альных науках чрезвычайно широк: от принятия и защиты основных постулатов ТРВ [2] до неприятия, которое часто маскируется дежурными фразами о признании научного вклада ТРВ [3]. Можно встретить и конструктивную критику, характеризующую ситуацию с ТРВ как «головокружение от успехов» [4]. Мы не будем спорить о мнимых и явных завоеваниях ТРВ. Наша первоочередная задача – внимательно присмотреться к следующему тезису Р. Коллинза: «Строго говоря, рациональная/утилитарная традиция вообще не является социологической. Она пересекается с некоторыми разделами социологии и противостоит другим. Эта традиция была вовлечена в процесс формирования социальных наук как специализированных дисциплин, но в течение столетий она то входила, то выходила из моды» [5, с. 133-134].

Фактически, по мнению Коллинза, социология никогда не была связана с утилитаризмом, по крайней мере, с самого начала, пока она еще не выделилась в отдельную дисциплину. Г. Спенсер и У. Самнер в какой-то степени обращались к контрактам и рынкам, но ведущие теоретики социологии Э. Дюркгейм, М. Вебер, Дж. Мид, Т. Парсонс рассуждали совершенно в другой парадигме и часто начинали именно с того, что по их мнению было упущено утилитаристами. Коллинз старается показать, что социологический подход в корне отличается от всех версий утилитаризма и что ключом к пониманию самого этого подхода является социология Дюркгейма, поскольку именно Дюркгейм заложил свои принципы социологии в контексте полемики с утилитаристскими утверждениями. Моральные связи среди людей более фундаментальны, чем обмены на рынке – вот основной урок выдающегося француза.

В этом пункте Коллинзу вторят и российские социологи. В частности, В. Култыгин делает акцент на противоречии разных версий ТРВ и классических теорий в социологии. Он подчеркивает, что, следуя Дюркгейму, одна из главных задач новой науки социологии состоит в том, чтобы четко дистанцироваться от психологии и экономики не только с точки зрения изучаемого предмета, но и в терминах теоретических подходов. В противовес индивидуалистическим подходам общество должно рассматриваться социологией как общность сама по себе (*sui generis*), а не просто как агрегат из составных частей. Более того, рационально рассчитываемые подходы ограничены специфическими сферами социальной жизни, и даже в тех случаях, когда эти установки превалируют, обязательным условием их существования считаются разделяемые нормы и ценности [6, с. 27]. По мысли И. Девятко, размежевание социологического подхода с утилитарной традицией и как следствие с экономической логикой рационального выбора человека было неизбежно [7, с. 204-205].

Казалось бы, такая трактовка не может вызывать у нас серьезных нареканий. Но вот одна странность. Что делать с Максом Вебером? Коллинз, например, ничего не сообщает о двойственности теоретического вклада М. Вебера в социальные науки. Девятко же изначально относит Вебера к классикам интерпретативной теории деятельности, которая с очевидностью противостоит теориям практической рациональности (в том числе и ТРВ). Она же остерегает нас от переоценки существующих различий между социологическими теориями целенаправленной деятельности и инструментальной рациональности. По ее мнению, это в первую очередь телеологические теории, соответствующие метатеоретической объяснительной модели рационального социального действия и восходящие, в той или иной мере, к аристотелевскому «практическому силлогизму» и веберовской (!) программе исследования социального действия. Неудивительно, что многие сторонники последних версий утилитаризма, прежде всего теоретики рационального выбора, предпочитают возводить свою теоретическую родословную не столько к «экономическому империализму», сколько к веберовской инструментальной рациональности [8, с. 208]. Таким образом, мы сталкиваемся с любопытным научным и теоретическим фактом ретроспективного обновления. Сторонники современных версий ТРВ оказались вынуждены переосмысливать и переопределять их теоретические основы в надежде обогатить объяснительные модели.

Получается, что инструментальная рациональность Макса Вебера стала общим местом не только для интерпретативных теорий деятельности в социологии, но и для теорий практической рациональности. В качестве аргумента такой двойственности могут выступать типология социального действия, а также типы формальной и материальной рациональности, образующие стержень социологии Вебера. И. Девятко признает, что связь веберовской рациональности с теоретической политэкономией и моделью «экономического человека» несомненна. Философский утилитаризм и экономическая формализация идеи максимизации полезности повлияли и на взгляды Вебера в этом вопросе, и на формирование современной ТРВ.

Можно легко запутаться в том, как складывались теоретические традиции социальных наук, и, как следствие, вновь предпочесть упрощенную линейную, «ящичную» модель эволюции идей и взглядов. По нашему мнению, нет ничего противоестественного в том, что социология Макса Ве-

бера стала узловым пунктом для прошлых и будущих теорий, пусть даже и противостоящих друг другу. Вебер по-прежнему остается частью социологической традиции, как, впрочем, и Дюркгейм.

Рэндалл Коллинз умалчивает еще об одной фигуре, чья роль в истории социологии также нельзя назвать однозначной. Речь идет о Вильфредо Парето. Подчеркнем, что, с точки зрения большинства экспертов, современные версии ТРВ более всего обязаны идеям философского утилитаризма И. Бенгата и Дж. Милля, а также теориям классической политэкономии. Вклад утилитаризма заключался, прежде всего, в создании адекватного дескриптивного понятия для обозначения индивидуального, преимущественно материального, интереса, мотивирующего поступки людей. Этот интерес был обозначен как «полезность» и интерпретирован как свойство объектов удовлетворять желания индивидов [9, с. 209]. Парето, объединив в себе профессиональные роли экономиста и социолога, принял более умеренную идею полезности и первым подошел к формулировке теории рационального выбора, известной сегодня в теории социального выбора и общественных благ как Парето-оптимальность. Таким образом, теории «общественной полезности», а также «нелогического действия» Вильфредо Парето оказались связующим звеном между экономикой и социологией, между утилитарным и другими подходами в истории социологии.

Следующая фигура, на которой мы остановимся – Дж. Хоманс. Р. Коллинз признает влияние Хоманса и его вклад в рациональную традицию, одновременно противопоставляя его социологизму Дюркгейма и рациональному нормативизму Парсонса. Теорию обмена Джорджа Хоманса принято выводить из бихевиористских посылок. Индивидуальные поведенческие реакции, по Хомансу, являются универсальными психологическими посредниками между социальными фактами. Таким образом, в теории обмена сочетаются методологический индивидуализм и редукционизм – сведения «социального» к фундаментальным принципам психологии [10, с. 233]. Все это, правда, не мешает Хомансу называть в качестве своих предшественников Г. Зиммеля, М. Мосса и того же В. Парето. Неудивительно тогда, что социология, по его мнению, должна отойти от концепций, сформулированных для абстрактных социальных систем, которых никто никогда не видел, поскольку она уже накопила солидную основу для исследований человеческого взаимодействия.

Дж. Хоманс для нас интересен тем, что его теория строится на «трех китах»: экономической теории рациональности – психологической теории поведения – теории социального взаимодействия. При этом важно, что последняя теория в этом ряду выполняет роль «методологической стремянки» к объяснению социальной структуры – предметной области социологии.

Последний автор, к которому мы обратимся, – Джеймс Коулмен. Обсуждая теорию солидарности Хехтера-Коулмена, Коллинз указывает на сходство их решений со взглядами на солидарность Дюркгейма. Из этого следует, что утилитарная традиция, представленная современными версиями ТРВ, и традиция Дюркгейма, которая для многих синонимична самой социологии, долгое время спорили друг с другом: Дюркгейм против Спенсера, Хоманс против Парсонса, но в итоге пришли к общим основаниям [11, с. 174–175]. Справедливости ради отметим, что в устах Коллинза это не констатация факта, а лишь возможный (от себя добавим – весьма вероятный) сценарий. Однако, подчеркивает Коллинз, нельзя забывать, что Коулмен стоит на позициях ТРВ, считая, что социальные институты есть результат рациональных интересов деятелей, которые его сформировали.

И. Девятко связывает теорию Коулмена с парсоновским проектом общей теории структур социального действия [12, с. 253–255]. Иными словами, Коулмен взялся за проблему социального порядка и попытался с опорой на рационального индивида внести ясность в вопросе взаимодействия микро- и макроуровней социальной реальности. Сходство теоретических программ Парсонса и Коулмена заставляет нас вспомнить о фигуре Т. Гоббса как общей отправной точке тех научных традиций, которые впоследствии были несправедливо локализованы и противопоставлены друг другу. Любопытно, что Коллинз признает связь между теорией общественного договора Гоббса и парадоксом безбилетника, изложенным в разных версиях ТРВ [13, с. 137].

Таким образом, Р. Коллинз застывает в нерешительности. С одной стороны, он признает, что утилитарная традиция влияла на социологическую и входила в ее состав, но при этом никогда не была доминирующей, определяющей. И если их сближение неизбежно, то только на равной основе, в русле новых синтетических объяснительных моделей. С другой стороны, Коллинз отвергает разработки ТРВ в силу их объяснительной несостоятельности применительно к социальным явлениям. Он считает, что рациональные утилитаристы потерпели поражение в своих попытках объяснить коллективное действие, беря за основу изолированного индивида, преследующего собственные интересы.

Наша позиция состоит в том, что так называемая утилитарная традиция всегда была неотъемлемой частью истории социологии, как, впрочем, и экономики. И в этом нет никакого противоре-

чия. Проникая в социологию через работы М. Вебера, В. Парето, Дж. Хоманса, Дж. Коулмена и других авторов, она создавала то познавательное напряжение, благодаря которому состоялись известные нам социологические подходы и школы, которые в свою очередь дали толчок к появлению современных версий ТРВ. Последние никогда не были за пределами социологии. Так же как никогда не существовало истории социологии – автономной, замкнутой на социологическом (читай дюркгеймовском, парсоновском, любом другом) подходе, отвергающем посягательства со стороны бихевиоризма, психоанализа, утилитаризма или биологического эволюционизма.

Аксиомой в социологии (это же можно сказать и о науке вообще) является положение о том, что социальная реальность сложнее и многообразнее тех теорий, которые призваны ее описывать. История социологии – фрагмент той же самой реальности. Плохо не то, что, пытаясь внести ясность в этом вопросе, мы неизбежно конструируем ту или иную «историю» науки. Плохо то, что такие конструкции, приобретая статус привилегированных, священных традиций, могут помешать поиску новых научных решений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Коллинз Р. Четыре социологических традиции. М., 2009.
2. Цебелис Д. В защиту теории рационального выбора // Современная сравнительная политология: хрестоматия. М., 1997.
3. Култыгин В.П. Теория рационального выбора: возникновение и современное состояние // Социологические исследования. 2004. № 1.
4. Грин Д., Шапиро И. Объяснение политики с позиции теории рационального выбора: почему так мало удалось узнать? // Политические исследования. 1994. № 3.
5. Коллинз Р. Указ. соч.
6. Култыгин В.П. Указ. соч.
7. Девятко И.Ф. Социологическая теория деятельности и практической рациональности. М., 2003.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же.
11. Коллинз Р. Указ. соч.
12. Девятко И.Ф. Указ. соч.
13. Коллинз Р. Указ. соч.